

II. ОТ МЕСТА К МЕСТОСОЗНАНИЮ. КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

Андрей Каравашкин
Алексей Лосев и Дмитрий Лихачев
в контексте исторического города:
московский и петербургский локусы
Свобода и судьба

Алексей Федорович Лосев и Дмитрий Сергеевич Лихачев — это сближение не кажется нам случайным. Оба стали для постсоветской России не просто последними представителями классической русской культуры, выдающимися исследователями-филологами, но и яркими персонификациями личного подвижничества.

Привязка творчества каждого из них к определенной городской среде, к определенным условиям, кругу общения, традициям означала бы, наверное, намеренное сужение той роли, которую сыграли эти интеллектуалы в жизни российского социума. Лосев и Лихачев — фигуры не локальные, но всероссийские. И в значительной мере мировые. Но и отрицание того, что каждая из этих фигур несет на себе отпечаток геокультурного пространства, в котором они действовали, развивали свои идеи, воспитывали учеников, было бы контрпродуктивным. И Лосев, и Лихачев навсегда вписали себя в контуры исторического города.

Для нас сейчас важно и то, что перед нами два разных стиля мышления ученых (и эти стили также формировались в определенной культурной среде). Здесь уместно говорить не об идеологии, не о научных концепциях, но именно о внутренне присущих способах определять себя и мир в едином

понимании целого, о лично принятом мировоззрении, о личных убеждениях.

В книге «Воспоминания» Лихачев напишет так: «К этому разделу моих воспоминаний я бы взял эпиграфом диалог из „Юлия Цезаря“ Шекспира. Мысль, в нем выраженная, стала и моим убеждением в течение всей жизни: только правильная философия, правильное мировоззрение способны сохранить человека — и телесно, и духовно»¹.

Лосев и Лихачев — можно сказать, что для каждого из них характерна своя жизненная имманентная философия, которая, с одной стороны, является почвой их научных поисков, но, с другой стороны, опирается на тот уникальный биографический опыт, который каждый из них пытался осмыслить в художественно-публицистической форме. Пожалуй, в конце XX века не было больше в России гуманитариев, которые так органично сочетали бы научный поиск с примерами столь масштабного самопознания. Исповедальное и научное здесь идут буквально рука об руку. К концу жизни Лосев и Лихачев видят себя в контексте большой российской истории, подводят итоги не только как ученые, но и как акторы исторического процесса.

Они не были сверстниками. Лосев на 13 лет старше Лихачева. Формировались они в разных условиях. И можно почти с уверенностью сказать, что европейская по стилю и запросам городская атмосфера была для становления Лихачева-гуманитария куда значимее, чем для Лосева, который получил классическое образование в одном из центров Области Войска Донского, Новочеркасске, окруженном степью и станицами. Принадлежали они к потомственной интеллигенции. Отец Лосева — музыкант и математик, Лихачева — инженер, представитель старинной петербургской фамилии. Характерно, что будущие филологи учились в дореволюционных гимназиях. И тот и другой получили такой задел образованности уже в юношеские годы, что без труда могли поступить и вполне успешно учиться в университетах: Лосев — в Московском, Лихачев — в Ленинградском государственном. Лихачев осужден

¹ Лихачев, Дмитрий. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995, с. 121.

по делу молодежной «Космической академии наук» в 1928 году. Лосев после публикации неподцензурной авторской версии «Диалектики мифа» — в Страстную пятницу 18 апреля 1930 г. (до этого в 1929 г. он успеваеет принять тайное монашество). Оба участвуют в строительстве Беломоро-Балтийского канала. Досрочное освобождение приходит к ним в один год — 1932. Войну оба встречают в городе. С этого момента и начинается главный и самый продолжительный период наибольшей творческой активности, формирования научных школ, широкого общественного признания. Началом длительной внутренней эмиграции для Лосева становится гибель его архива и библиотеки во время бомбежки 1941 года (разрушение в ночь на 12 августа во время авианалета дома на Воздвиженке 13, где жили Лосевы). Начало научной карьеры древника-медиевиста в стенах Института русской литературы для Лихачева связано с трагическими днями блокады Ленинграда. Хронологически совпадает в их жизни и период послевоенных идеологических проработок².

Лосев, хотя и обращался мысленно к своему прошлому, не любил воспоминаний. Особенно это касается эпизодов детства и юности. Лишь немногие скупые материальные свидетельства (серебряный подстаканник отца и старая сахарница с отбитым ушком) — вот и все, что осталось от этого навсегда исчезнувшего мира. Большим потрясением для Лосева было и посещение родного дома в 1936 г. Вот как об этом пишет Аза Алибековна Тахо-Годи: «Помню, как он рассказывал об этом возвращении в прошлое, в город молчаливый (не звонят более колокола), почти пустой (население пошло на убыль), с заколоченными окнами магазинов (товаров и еды нет), с какой-то военной частью в стенах бывшей гимназии. Все здесь

² О характере идеологических «проработок» в академической среде на примере биографии Дмитрия Лихачева см.: Робинсон, Михаил и Сазонова, Лидия. Дмитрий Сергеевич Лихачев: жизненный путь и научная судьба. К 100-летию со дня рождения // Славянский альманах, 2006. Редколл.: Татьяна Вендина, Константин Никифоров, Михаил Робинсон, Виктор Хорев, Андрей Шемякин. Москва: Индрик, 2007, с. 394-422.

бывшее, а о казачестве лучше не вспоминать. Боятся как огня этих воспоминаний»³.

Лосев навсегда прощается с прошлым. Отныне его приютом становится Москва. Однако и здесь он не до конца вращается в почву. О нем нельзя говорить как о типичном московском жителе. Лосев выше любых сравнений подобного рода. Однажды он признавался, не без некоторого самолюбования, что именно от отца перешел к нему «разгул и размах, его вечное искательство и наслаждение свободой мысли и бытовой несвязанностью ни с чем»⁴.

Лишь отдельные художественные произведения Лосева доносят атмосферу детства и юности, но это не воспоминания в прямом смысле слова, но образное воссоздание среды, эмоциональной ауры, силуэты, а не детальное воспроизведение картин, претендующих на убедительность. У Лосева нет беллетристических экфрасисов. В этом смысле показательна повесть «Жизнь» (не ранее лета 1942 г.). Подлинным протагонистом ее является мысль о назначении человеческого существования. Именно мысль, а не персонаж, пусть и автобиографический отчасти. Лосеву интересен импульс, приводящий к проблеме, а сама обстановка, среда играют, скорее, роль некоего заднего плана, фона, декорации. События и лица нужны только как повод, толчок для обнаружения ответа на мучительный вопрос: «Можно ли остановиться на жизни? Жизнь же, взятая сама по себе, — разве не путаница, разве не хаос, разве не отсутствие смысла? Чистый и беспримесный поток жизни — разве не издевательство над всем святым, разве не насилие над личностью, разве не сплошное коверканье естественно простых людских отношений, именуемых обществом?»⁵.

Никогда не работавший над мемуарами Лосев самораскрывается в иных жанрах, квазиромантической повести

³ Тахо-Годи, Аза. Лосев. Москва: Молодая гвардия, 2007 (2-е изд.), с. 14.

⁴ Лосев, Алексей. Из воспоминаний // Студенческий меридиан, 1990, № 5, с. 29-32; с. 29.

⁵ Лосев, Алексей. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб.: АО «Комплект», 1993, с. 22.

(в ранний период, 30—40-е гг.) и в поздних беседах, имеющих форму платоновского диалога (кстати, диалогизм наряду с фантазмагориями — вот две основные формы, которых писатель Лосев последовательно придерживался на протяжении своего недолгого художественного творчества). Особняком, быть может, стоит роман «Женщина-мыслитель», но, видимо, этот текст заслуживает отдельного разговора.

Эти формы обнажают сущность явления — жизни как такого начала, которое человек принимает и одновременно преодолевает (отсюда два мотива — неизбежности и кошмарного видения, когда повседневность превращается в триумф пошлости и ужаса). Наиболее ярким примером может послужить повесть «Мне было 19 лет», наиболее ранний текст лосевской прозы, насыщенный, кстати, отсылками к московским реалиям. Самый московской и самый «булгаковский» текст философа.

Лосев, с одной стороны, как бы скользит по поверхности обыденного материального мира, не замечая его, а с другой — навсегда запоминает полученные уроки, отказывается от иллюзий. Последнее сообщает его раздумьям особую жесткость и даже, можно сказать, жестокость, бескомпромиссность по отношению к себе и действительности.

Здесь принципиальны, на наш взгляд, два высказывания. Одно относится к переписке со знаменитой исполнительницей, музыкантом Марией Юдиной.

Второе принадлежит корпусу воспоминаний о беседах с Лосевым Владимиром Бибихина.

В письме Юдиной сущность своей жизненной катастрофы Лосев определяет следующим образом: «Вот представьте себе, что у Вас отнят инструмент и Вам строжайше запрещены не только всякие выступления, но и игра для себя. Представьте Вы себе, что не только самая игра где бы то ни было, но и разговор о музыке карается для Вас тюрьмой и ссылкой, а всякая музыкальная среда трактуется как конспирация и заговор»⁶.

⁶ Цит. по: Тахо-Годи, Елена. На пути к невесомости или в плену Содомы // Лосев, Алексей. «Я сослан в XX век...» Москва: Время, 2002. Т. I, с. 39.

Здесь достаточно полно обозначены предпосылки той жизненной позиции, которая станет основной для Лосева в поздний московский период, растянувшийся на долгие годы. Идея рока, судьбы, неизбежности, подчинения сильному, неминуемое смирение с властью и идеологией, послушание.

Неожиданный оборот — в форме старческого брюзжания — приобретает эта тема судьбы в записках Бибихина. Правда, следует подчеркнуть, что пассаж этот важен для понимания самой стратегии неприятия мира у Лосева. Для его жизненной философии это не ситуативной, но концептуальный момент.

Алексей Лосев — Владимиру Бибихину (19.01.1973):

«— А русские?

Водка и селедка, умеют водку пить. Раньше, когда я был молодой, я распространялся о русской душе, имел славянофильские идеи, Москва — третий Рим, „а четвертому не быть“. А потом с течением времени я во всем этом разочаровался. И меняться уже стар... Нации уже нет. Теперь уже международная судьба.

— Как римляне?

Хуже, хуже, хуже... Римляне оставили, до наших времен все еще живо, римское право, политические образцы, города, дороги. А русские не знаю что оставили.

— Ужасно...

Это была бы долгая история рассказывать, я столько мучился и столько слез пролил, что теперь не хочется вспоминать... Это как разведенная жена, остается только ненависть. Мне даже противно об этом говорить, даже с тобой, хотя ты мне и близок. От всего осталась *ерунда*, на постном масле. Что делается, то и делается, а думать об этом... Потому все инакомыслящие и правомыслящие мне всё равно.

— А церковь?

Моя церковь внутрь ушла. Я свое дело сделал, делайте вы теперь свое дело, кто помоложе. Я вынес весь сталинизм, с первой секунды до последней на своих плечах. Каждую лекцию начинал и кончал цитатами о Сталине. Участвовал в кружках, общественником был, агитировал. Все за Марра —

и я за Марра. А потом осуждал марризм, а то не останешься профессором. Конечно, с точки зрения мировой истории что такое профессор. Но я думал, что если в концлагерь, то я буду еще меньше иметь... А сейчас — мне всё равно. Нация доносчиков, будьте доносчиками или нет — мне всё равно. Вынес весь сталинизм как представитель гуманитарных наук. Это не то что физики или математики, которые цинично поплевывали. <...> Аверинцев? Не знаю... Ничего не знаю и знать не хочу, кто он. Я с того же начинал, что и он, меня бы за меньшее выгнали. Не хочу ни об Аверинцеве, ни о всех новых ничего знать»⁷.

В нежелании помнить — заключена принципиальная позиция, некое жизненное кредо. Все, что наступило после личной катастрофы 1930 г., автор «Диалектики мифа» воспринимает уже в категориях «судьбы». Это затворничество, катакомбное существование, смерть для мира, в прямом и переносном смысле: не забудем про тайное монашество Алексея Федоровича (Андроник) и Валентины Михайловны Лосевых (Афанасия). Научный труд в сочетании с непрестанно скрываемой для посторонних глаз молитвой, годы затворничества и забвения, ссылка (даже права преподавать в Московском государственном университете лишен профессор). МГПИ им. В. И. Ленина становится для Лосева его отходной пустыней. Но и там он довольно рано перестает общаться с широким кругом людей и ведет занятия только для избранных аспирантов, и то у себя дома на Арбате. Лосев изредка покидает келью. Это происходит раз в год на так называемых Ленинских чтениях МГПИ (автор этих строк был свидетелем одного из таких появлений Лосева в здании № 1 на Малой Пироговской, бывших Женских курсах Владимира Герье). Вполне

⁷ См.: Бибихин, Владимир. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. Москва: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006 (2-е изд.), с. 172-173. На этот яркий отрывок мое внимание обратил современный философ и историк философии Анатолий Валерианович Ахутин. Приношу ему благодарность и заодно процитирую его комментарий, который прозвучал в беседе: «Одна способность к такому признанию говорит о том, каким крупным и всерьез задуманным человеком был Алексей Федорович, пожалуй, больше, чем весь его титанический труд».

публичной фигурой ученый становится с середины 80-х годов, незадолго до своей смерти (переломным моментом послужил юбилей, широкое чествование девяностолетия ученого в стенах все того же МГПИ, в аудитории № 9, по иронии судьбы также носившей тогда имя Ленина).

Этот разговор о Лосеве был бы неполным, если бы мы не остановились на одном примечательном событии. В 1989 г. вышел документальный фильм «Лосев». Это был не просто рассказ об ученом. Режиссер Виктор Косаковский создает дебютную картину-эксперимент. В фильме практически нет диалогов, представлена обстановка дома Лосева на Арбате, московская среда великого ученого. Оператор присутствуют при последних днях жизни Лосева (конец мая 1988 года). За кадром слышен голос философа. Только ему предоставлено в этом фильме слово. Косаковский запечатлел для потомков небольшую лекцию Лосева о концепте «судьба». И она — эта лекция — чрезвычайно важна для нашего разговора. Лосев соединяет краткие воспоминания о начале своей философской карьеры в Москве с размышлением, посвященным крупнейшим русским мыслителям начала XX века, с которыми ему довелось повстречаться. Особое внимание Лосева привлекает «апостол свободы» Николай Бердяев. Конечно, свобода важна, но это не единственный принцип. Апологии вольной духовности Лосев в характерной для него несентиментальной, жесткой манере противопоставляет судьбу: «Я живу, работаю, страдаю, мучаюсь. Из-за чего? Судьба? Судьба... Почему я так живу, а не иначе? Почему я родился тогда, а не тогда? Не я же себя рожал? Почему? Неизвестно. Вот мне предстоит подохнуть завтра или послезавтра. Почему? А почему не через год? С понятием судьбы расстаться невозможно»⁸.

Тут «судьба» обретает, наконец, свое законное место в целой системе взглядов, которые имеют как синхроническое, так и диахроническое измерение. В самом конце жизни философ проговаривает и додумывает уже в устной форме свое учение о судьбе. Именно в доме Лосева на Арбате, как на конечном

⁸ Косаковский, Виктор. Лосев. (Фильм). 1989.

http://www.youtube.com/watch?v=SQM4fnc_dCU

этапе долгого пути, сошлось все: архив с юношескими рукописями разных лет, библиотека, материальные знаки прошлого, друзья и ученики, помощники. Время предстало в трех своих ипостасях: прошлое, настоящее и будущее. Заметим, что понятие судьбы появляется в ранних дореволюционных дневниках Лосева и проходит с ним через всю жизнь. И, возможно, последнее, о чем Лосев рассуждал вслух, было учение о судьбе: «Судьба — так это и есть момент первоединства, поскольку оно схватывает все в одной неделимой точке»⁹. Эти слова, подводящие итог всей жизни, созвучны с откровениями молодого Лосева, который немало страниц посвятил комментариям к музыкальной классике. И везде он обнаруживал тему судьбы. Например, по поводу античного героизма в философском мироощущении Александра Скрябина он писал: «Надеяться человеку можно только на себя. Откуда я и куда я иду — неизвестно. Но, появившись и узнавши сладость индивидуального бытия, я хочу остаться. И вот я — герой, я бьюсь за свое бытие. Ведь если я буду побежден — все равно я ничего не потеряю; судьба уже мне назначила определенный жребий»¹⁰. Одной из самых проникновенных и глубоких характеристик времени как алогичной и таинственной стихии посвятил Лосев раздел «Диалектики мифа», самой известной своей книги, где о судьбе сказано: «Судьба — самое реальное, что я вижу в своей и во всякой чужой жизни. Это — не выдумка, а жесточайшие клещи, в которые зажата наша жизнь. И распоряжается нами только судьба, не кто-нибудь иной»¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ Лосев, Алексей. На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х гг. Москва: Прогресс-Традиция, 2015, с. 729.

¹¹ Лосев, Алексей. Диалектика мифа. Москва: Мысль, 2001, с. 183. Литературовед-славист Эдит Ключ очень точно выразит одну из важнейших интенций философа, говоря о столкновении лосевской мысли с непреодолимым сопротивлением истории как судьбы: «И в его прозе мы являемся свидетелями падения и саморазрушения философии перед лицом громадных и враждебных событий, более мощных, чем философия...» (в кн.: Алексей Федорович Лосев: из творческого наследия: современники о мыслителе. Изд. подгот. Аза Тахо-Годи и Виктор Троицкий. Москва: Русский мир, 2007, с. 544).

Судьба между тем не оправдывает бездействие. И Лосев отвечает по-своему на вопрос о том, что может предпринять заложник обстоятельств, тирании, режима. У него, заложника, разумеется, не должен вырабатываться *Stockholm Syndrome*, когда жертва оказывается в состоянии психологической зависимости от своего мучителя и даже начинает получать мазохистское удовольствие от стесненных условий плена и унижений, считая их оправданными, необходимыми для достижения высокой цели.

Слепым обстоятельствам, враждебным природным, общественным и историческим условиям может противостоять «идеология интеллигентности» (по Лосеву, «интеллигентность есть функция личности, возникающая только в связи с той или иной идеологией»).

Идеология же эта предполагает, что интеллигент «блюдет интересы общечеловеческого благоденствия». Речь идет, конечно, не об отмене власти судьбы, но о сознательном выборе. Даже при самых неблагоприятных условиях человек может оставаться человеком. В этом, по Лосеву, сердцевина интеллигентности. Незнание причин, по которым человек обречен на то или иное проживание своей жизни, не отменяет возможности действовать в предложенных обстоятельствах. Так парадоксально, диалектически снимается излишний детерминизм.

В свете сказанного интеллигентность — всегда подвиг, хотя бы потенциальный, готовность к нему¹². Слово «интеллигенция» Лосев, как правило, употреблял в ином, отвлеченном, философском смысле (особенно в ранних работах, знаменитом «восьмикнижии»). В «Диалектике художественной формы» (1927) «интеллигенция» — самосозерцание, соотнесенность смысла с самим собой. Но в одной из итоговых публицистических книг, представляющих собой цикл бесед для журнала «Студенческий меридиан», Лосев обратился ко вполне традиционному понятию и дал его развернутое и последовательное толкование («Дерзание духа», составитель Юрий Ростовцев). Справедливости ради нужно заметить, что в этой

¹² Лосев, Алексей. Дерзание духа. Москва: Издательство политической литературы, 1988, с. 314-322.

книге Лосев отдает дань метаязыку марксистской науки. Однако ничто не отменяет типично лосевского подхода к сложным вопросам бытия. Лосев не играл в марксизм. Он лишь стремился говорить на языке, близком его современникам. И в этом также просматривается его судьба, последнего философа идеалиста в советской России. Бывало, что Лосев противопоставлял себя интеллигенции, как это вдруг прозвучало в разговоре с писателем Виктором Ерофеевым (книга «Лабиринт Два»)¹³. Не стоит, полагаем, видеть в этом отрицание интеллигенции. Лосев с таким же успехом противопоставлял бы себя гегельянцам, неокантианцам, последователям Гуссерля, отстаивая свою самобытность.

В лосевском учении об интеллигентности неожиданно дает о себе знать мотив античного героизма. Однако это особый, внутренне присущий интеллигенту естественный, до конца неотрефлексированный героизм. Интеллигент не совершает показных подвигов, но именно живет так, как считает нужным. Никакой намеренной попытки противоречить судьбе тут нет. Возможно, здесь скрывается своя диалектика. Подчинение судьбе — это не нарочитый акт отказа от себя самого, но свободное и даже легкое принятие всего того, что посылает жизнь. Интеллигент даже не задумывается о том, что совершает подвиг. Для него это состояние естественно: «Лучше будет сказать, что интеллигент не мыслит свою интеллигентность, но дышит ею, как воздухом. Ведь дышать воздухом не значит же понимать воздух только химически, а дыхание — только физиологически. Идеология интеллигентности возникает сама собой и неизвестно откуда; и действует она, сама не понимая своих действий; и преследует она цели общечеловеческого благоденствия, часто не имея об этом никакого понятия»¹⁴.

¹³ Ерофеев, Виктор. Лабиринт Два: Остается одно: произвол. Москва: Зебра Е, 2006, с. 198-221.

¹⁴ Лосев, Держание духа, с. 316. См. важные для этой темы статьи: Аверинцев, Сергей. «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева // Вопросы философии, 1993, № 9, с. 15-22; Гусейнов, Гасан. Личность мистическая и академическая: А. Ф. Лосев о «личности» // Новое литературное обозрение, № 76, 2005, с. 14-38.

Круг вопросов, волновавших Лосева в молодые и зрелые годы, заметно пересекается с проблемами философии культуры Дмитрия Лихачева. К ним мы сейчас и обратимся.

Заметим только. Принципиальное отличие мемуаристики и художественной прозы Лосева от мемуаристики Лихачева заключается, пожалуй, в нарочитом лосевском лаконизме, в сосредоточении на сущности переживаний, в пренебрежении материальной стороной жизни. Непосредственное восприятие героя как одна из интенций направлено на проявления чувств, но за этим скрывается суть эмоции, ее глубинная подоплека.

Лихачев практически весь сконцентрирован на внешней жизни (нарочитый психологизм ему чужд), на деталях, на мелочах, подробностях быта. Из этих мелочей складываются наблюдения, из наблюдений — большой эпизод биографии. Герой формируется в этом потоке деталей, он без них немислим. И, конечно, львиная доля мелких наблюдений касается Петербурга и его предместий. Автобиографический герой Лихачева неотделим от жизни города, которая связана с театрами, учреждениями, библиотеками, музеями, улицами, площадями, конкретными сооружениями, морскими пейзажами, дачными местностями (при этом нередко исторические и топографические очерки-комментарии, сопровождающие эти описания: например, рассказы о дачных местностях Куоккала, Ольгино, Токсово в книге «Воспоминания»).

В книге «Воспоминания» Лихачев особо пишет о том, как сформировал свое жизненное мировоззрение. Любопытно (и для Лихачева, полагаем, весьма характерно), что эти рассуждения как бы вырастают из очерков петербургской интеллектуальной жизни, являются их развитием, продолжением: «Что такое общая интеллигентность среды — это разговор особый. Коллективная психология, предполагающая свободу личности, коллективная нравственность, коллективное сверхмировоззрение, сближающее интеллигентных людей всего мира, коллективные умственные интересы, даже свободно меняющиеся моды на глубокие философские течения, понятия человеческой репутации, воспитанности, приличия, порядоч-

ности и многие другие, ныне полузабытые, — составляли содержание этой нравственной среды. В нравственной среде мировоззрение становилось естественным поведением в широком смысле»¹⁵.

Для автора приведенного высказывания принципиально, что среда представляет собой сообщество свободных деятелей, создающих пространство культуры (скажем, забегая несколько вперед).

Говоря о смысле человеческого существования, Лихачев, безусловно, делает главный акцент на свободе. Но свобода эта не дана как нечто безусловное и неограниченное (вспомним философию свободы Николая Бердяева и подспудную критику ее Лосевым).

Свобода сочетается с земной формой восприятия невидимого мира. Она является человеческим измерением вневременного.

Свобода связана со временем, есть неизбежное порождение временного бытия. Временное предполагает временное. Иными словами, время существует тогда и постольку, когда и поскольку человек не имеет возможности заглянуть в потусторонний, вечный мир. Время — не абсолютно: только логика Раскольниковца уповает на вечность времени, эксплуатирует надежду на то, что постепенно, шаг за шагом все преступление, вся кровь, пролитая якобы во имя человечества, забудутся. Останется только земное счастье, купленное страданиями и смертями других людей. Нет, эта философия оправдания бесчеловечности рухнет, если признать, что время не абсолютно, что все остается во вневременном бытии. В одном из произведений Лихачев сравнивает время с иглой проигрывателя, а вечность с виниловым носителем, в памяти которого сохраняется все содеянное: «Настоящее — это звук, снятый с пластинки иглой проигрывателя. Но прошлое и будущее на этой пластинке есть, существует, неистребимо...»¹⁶.

Человек, по Лихачеву, не является заложником большого настоящего, своего времени, своей среды и даже своей судьбы.

¹⁵ Лихачев, Воспоминания, с. 122.

¹⁶ Лихачев, Дмитрий. Русская культура. Москва: Искусство, 2000, с. 377.

Ведь исторический период, в который погружен каждый субъект, служит суммой факторов, каждый из которых имеет естественные причины. Свободно распоряжаться выбором человек, тем не менее, может даже в условиях самых неблагоприятных. И здесь оправданием не служат обстоятельства, внешняя сила, цепь исторических причин, случайность. В этом смысле жизнь отдельной личности мало отличается от жизни народа. Детерминизм, в свою очередь, приводит к идее предначертанности, предназначенности, особой миссии, исторического задания. Но это ложные ориентиры. В статье «Нельзя уйти от самих себя...» Лихачев замечает: «Никакой особой миссии у России нет и не было! Судьба нации принципиально не отличается от судьбы человека. Если человек приходит в мир со свободной волей, может выбирать сам свою судьбу, может стать на сторону добра или зла, сам отвечает за себя и сам себя судит за свой выбор <...>, то и любая нация точно так же отвечает за свою судьбу»¹⁷.

Конечно, история бывает суровой школой как для отдельных людей, так и для целых народов, племен, стран. Однако мыслящий интеллигент всегда «парит над эпохой», старается свободно осуществлять то, что должно: «Можно ли выскочить из своей эпохи в своем мировоззрении? Конечно — нет. Всякая попытка вернуться в какое-либо столетие или перескочить далеко вперед — в будущее — невозможна. Человек живет в своей эпохе, в свои годы, и только в свои. Но это не означает, что он должен слепо следовать за эпохой, за господствующим мировоззрением. Человек обладает свободной волей и обязан выбирать, обязан создавать новое. Он — творческое существо. Если он перестаёт быть творческим существом и быть устремлённым в будущее (своё и своей страны), он перестаёт быть Человеком. В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая»¹⁸.

¹⁷ Лихачев, Дмитрий. Нельзя уйти от самих себя. Историческое самосознание и культура России // Новый мир, 1994, № 6, с. 113-120; с. 119.

¹⁸ Лихачев, Дмитрий. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Ленинград: Советский писатель, 1989, с. 470-472.

Раз так, свобода предполагает ответственность и деятельность. Вот почему у Лихачева так много вполне конкретных рекомендаций по сохранению памятников культуры, так много забот о возвращении прошлого в ту среду, из которой, казалось бы, навсегда ушли старые усадьбы, парки, архитектура, названия улиц. Мыслящий человек отвечает за прошлое, за то, что не принадлежит только *этому* времени. Перед нами своеобразная философия мест памяти, попечение о вневременном. Памятники культуры становятся указательными знаками, расположенными там, где человек должен вспомнить о своем долге перед вечным. Мысль Лихачева совершает полный оборот. Историческая среда формирует потребность в «правильной философии», а человек, осознавший свою ограниченность и свою свободу, отдает дань этой исторической среде. Теперь понятно, что краеведение, система знаний о локусах, родине, урочищах, городах, воспитанное культурной средой Петербурга, вполне органично вписывается в мировоззренческий комплекс интеллигентного деятеля.

Понятие «интеллигенция» также тесно связано в трудах Лихачева с учением о свободе. В одной из статей на эту тему академик подчеркивает, что интеллигентность определяется, прежде всего, европейской образованностью и особой интеллектуальной независимостью. Интеллигент не может отдать свою волю на откуп идеологии, государству, власти, любой эгоистически действующей структуре, которая питается человеческой энергией: «Как можно меньше «заборов», как можно более открытости в общении ученых, артистов, художников, писателей, коммерсантов, медиков! Государственный эгоизм — несчастье для людей»¹⁹.

Почему интеллигента отличает именно европейская образованность? Качества всемирной отзывчивости Лихачев приписывает, в первую очередь, культуре Запада, которая впитывает в себя опыт иных культур, в лучших своих образцах основывается на понимании или эмпатии, видит в чужом не мертвое, но одушевленное, ассимилирует чужое, не только включает его в свой контекст, но и сохраняет, поскольку «вос-

¹⁹ Лихачев, Русская культура, с. 84.

приимчивость к чужим культурам является общей основой всей европейской культуры в целом»²⁰. Говоря языком феноменологической философии (кстати, в юности Лихачев штудировал «Логические исследования» Эдмунда Гуссерля), можно заключить, что именно европейское образование предполагает такой основополагающий принцип взаимодействия (интерактивного действия), как интерсубъективность.

Другая черта интеллигентности — при всей ее открытости для внешнего мира — сопротивление партиям, организациям, идеологическим конструктам тоталитарного толка, требующим от человека продать душу системе. В этом неподчинении интеллигенции агрессивной идеологии состоит ее сила, а не слабость. Именно это ведет интеллигента к осознанию ценности личности, а вся европейская культура проникнута именно личностным началом²¹.

Лихачев рассуждает далее: все ли образованные люди и тираноборцы могут заслужить звание интеллигентов? Отнюдь. Почему такая прекрасная кандидатура в первые русские интеллигенты, как Андрей Курбский, не подходит для данной роли? Ответ весьма определенный. Покинув одного тирана, Курбский выбрал себе нового. Он предпочел службу, а не служение, поступил в соответствии с обстоятельствами, а не по велению совести²². Интеллигент всегда оставляет дверь открытой. Он автономен и одновременно принадлежит вечности, а не лицам и доктринам. Независимость — вот та важнейшая черта, которая характерна именно для осознавшего свою роль в контексте эпохи свободного актора.

²⁰ Лихачев, Дмитрий. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт: речь, подготовленная для Международной конференции «Великая Европа культур», Рим, 1991 г. // Наше наследие, 1996, № 6, с. 15-16.

²¹ Лихачев, Дмитрий. В защиту интеллигенции // Возрождение культуры России: истоки и современность. По материалам Всероссийского научного семинара. Санкт-Петербург, 15-16 декабря 1992. СПб.: Знание, 1993. Вып. 1, с. 14-17.

²² Лихачев, Дмитрий. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Антология русской философии: в 3 т. / СПбГУ [и др.]; редкол.: Александр Замалеев [и др.]. СПб.: Сенсор, 2000. Т. 2, с. 493-505. Перепеч. из журн. «Новый мир» (1993, № 2, с. 3-9).

Итак, мы видим, что в жизненной философии Лосева и Лихачева обнаруживаются заметные черты сходства. Это, если так можно сказать, вненаучное мышление ученых, особенности их личных убеждений, которые, конечно, угадываются в их трудах (например, учение о судьбе, в чем сам признавался Лосев, так или иначе появляется там, где он пишет об античной эстетике и культурном типе Древней Греции), но никогда не выражается полно в научном академическом дискурсе. Для этого существуют другие формы, жанры, виды высказываний, которые ближе всего или к художественной литературе, или к мемуаристике, или к автобиографии. Именно такие тексты и были привлечены нами сегодня. Разумеется, охват материала мог быть намного шире. Но наша статья — скорее постановка вопроса, чем завершённое исследование.

Что касается специфики лосевского и лихачевского понимания свободы и судьбы, то здесь уместно сделать только предварительные выводы. Существо их сводится к следующему.

— В художественно-публицистическом творчестве Лосева и Лихачева предметом размышлений авторов становится человек, вовлеченный в исторические события. Специфика лосевского мировоззренческого типа состоит в том, что мыслитель делает наиболее заметный акцент на понятии «судьбы». Не отрицая свободу, не теряя из виду самоопределение личности, Лосев подчеркивает необходимость смирения перед неизвестностью, вечностью, замыслом Творца. Из своего актуального настоящего человек видит только часть правды. Учение о судьбе предполагает, что субъект изначально ограничен рамками неведомого. Детерминизму судьбы невозможно противопоставить какую-то разумную альтернативу. Его можно принять. Иное дело, какими будут формы и способы этого смирения. Знание судьбы не отменяет действия, хотя бы и трагического. Это действие можно представить как трагический героизм — вот главный вывод, к которому приходит Лосев.

— Концепция свободы Лихачева, напротив, предполагает идею ответственности, проистекающей из того, что временное

не абсолютно. Никакие жизненные трудности не оправдывают актора в том случае, если он отказывается от созидания в сфере культуры (культура — вторая природа, созданная человеком, и здесь обнаруживается его обязанность сохранять не только естественную, но и культурную среду, обязанность слушать вневременному, вечному, всему тому, что сохраняется и передается от поколения к поколению). У Лихачева акцент сделан именно на автономности субъекта культуры, его независимости: «Человек, подчиняющийся совести, не подчиняется ничему больше, и подчиняться совести он может только абсолютно свободно. В этом единственное в своем роде свойство совести»²³. Лихачев, конечно, оставляет место и для судьбы тоже, но детерминизм или фатализм ему все-таки в основном чужд. И это сообщает концепции медиевиста особый пафос вовлеченности в конкретную деятельность, проекты, начинания, программы (это своеобразная философия мест памяти как предмета опеки и заботы). Трагизма здесь намного меньше. Даже в мемуарах о блокаде Ленинграда на первом месте оказывается у Лихачева не рок, не фатальная неизбежность страдания, но личная моральная ответственность людей за все, что они делают²⁴.

— Наконец, можно ответить на вопрос и о том, каким образом соотносятся локальная приуроченность творчества ученых и мыслителей с их ментальными парадигмами. Для Лосева Москва — в первую очередь место тайного труженичества. Ее культура и среда никак не влияют на выбор исследователя, не предопределяют его. Это все та же судьба, что, естественно, не делает фигуру Лосева чуждой московской истории. Он остается в ней, но как своеобразный гражданский и религиозный подвижник, свидетель, последний русский философ. Петербургский контекст, напротив, чрезвычайно важен для Лихачева. Во многом Петербург / Петроград / Ленинград остается для него источником той модели, которая легла в основу учения об интеллигенции. Среда сформировала свободного деятеля, и она же вправе ждать от него участия в воссоздании,

²³ Лихачев, Русская культура, с. 104.

²⁴ Лихачев, Дмитрий. Как мы остались живы // Нева, 1991, № 1, с. 5-31.

сохранении и преумножении культуры. Как и у Лосева, концепт «интеллигентность» связан с идеей культуры (при всех отличиях, которые были в понимании ее у Лосева и Лихачева).

Для Лосева, контекст личности — судьба. Для Лихачева — среда²⁵.

Отметим, что различие двух мировоззренческих типов не только интересно в историко-культурном смысле, но и чрезвычайно важно в плане социальном и общественно-политическом. Две ментальные парадигмы воплощают собой те два пути, которые выбирает мыслящий слой России в постсоветскую эпоху. Это два выбора между предопределенностью и свободой, консервативной религиозностью и гражданским строительством, традиционализмом и современными западными ценностями.

²⁵ Эта концепция культуры легла в основу окончательного варианта «Декларации прав культуры»: «В настоящей Декларации под культурой понимается сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества». См. Статью первую «Декларации»:

<http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123/>